

**Комментарии к документу
Константинопольской Патриархии
«Вселенский престол и Украинская Церковь. Говорят тексты»**

Историко-каноническое исследование «Вселенский престол и Украинская Церковь. Говорят тексты», представленное в форме документа Константинопольской Патриархии, состоит из трех основных разделов:

1. «Отношения Константинопольского Патриархата и Украинской Церкви. Краткий исторический очерк».
2. «Что следует из изучения текстов?».
3. «Положение дел до настоящего момента».

В своих комментариях мы будем придерживаться именно этой схемы, выбранной авторами исследования, следуя за их утверждениями, которые выделены курсивом.

Раздел 1. «Отношения Константинопольского Патриархата и Украинской Церкви. Краткий исторический очерк»

В середине XV в. Киевская Митрополия распалась на две, когда в Москве был избран Митрополит Иона (1448), а патриарх-униат Григорий Мамма (1458) поставил митрополитом Григория. Позже Митрополит Григорий вернулся в Православие и был принят Вселенским Патриархом Дионисием I (1470), тогда как в Москве в 1561 г. (sic!) без одобрения Вселенского Патриархата был утвержден новый Митрополит — Феодосий.

В этой краткой фразе, помимо очевидной фактической ошибки или опечатки (митрополит Феодосий был поставлен в 1461 г., а не в 1561-м) и нарушения логики и хронологии событий, содержится целый ряд умолчаний. В своей совокупности, эти умолчания искажают реальную историю самым существенным образом.

Впрочем, эти сюжеты уже были достаточно подробно рассмотрены в комментариях «Православной энциклопедии» к докладу епископа Христупольского Макария, опубликованных на сайте «Седмица» 5 октября. Хотелось бы только прояснить один вопрос: говоря о поставлении в 1458 году Григория Болгарина Григорием Маммой, автор документа «Вселенский престол...» называет последнего «патриархом-униатом». Следует ли из этого, что он признает за Григорием Маммой права Патриарха? Если да, и если со-

вершенное Григорием Маммой поставление он считает законным, то кем он тогда считает Патриархов в самом Константинополе, где в уже 1454 кафедру занял Геннадий II Схоларий (патриаршествовал до 1456, когда был изгнан и замещен Исидором II Ксанфопулом (1456–1462); в 1464–1465 Патриархом вновь был Геннадий Схоларий)? Или автор документа все же считает законными Патриархами Геннадия Схолария и Исидора Ксанфопула? Но это означает, что все акты Григория Маммы по меньшей мере с 1453-го года были незаконны — в том числе, конечно же, и поставление Григория Болгарина.

После возвышения Московской Митрополии до ранга Патриархата при Вселенском Патриархе Иеремии II (1589) Киевская Митрополия продолжала находиться в ведении Вселенских Патриархов, которые осуществляли свое попечение о ней или через уполномоченных экзархов, или лично. Последнее произошло, например, в 1589 г., когда Патриарх Иеремия II посетил Киев и низложил Киевского митрополита Онисифора как двоеженца, а также иных обнаруженных виновными клириков, и поставил на Киевскую кафедру Михаила (Рогозу). Также он одобрил и благословил Богоявленское братство, позже превратившееся в Академию, и распорядился сформировать Епархиальный Собор Украины.

Интересно, как автор документа «Вселенский престол...» перескакивает через почти полтора столетия и оставляет без внимания то состояние Киевской митрополии, в какое она пришла под управлением Константинопольского Патриархата в XVI веке. История с очевидностью свидетельствует, что связь митрополии с Константинополем во второй половине XV века и в XVI веке, вплоть до прибытия Иеремии II в Речь Посполитую, была крайне слабой и ограничивалась тем, что Патриархия рано или поздно ставила на митрополичью кафедру очередного кандидата, при том что таковой обычно начинал исполнять свои обязанности еще до получения санкции из Константинополя. А реальное влияние на жизнь Церкви в польском государстве оказывали именно правители, католики по вероисповеданию, которые зачастую передавали церковное управление в руки светских феодалов (нередко — также католиков) или даже католического духовенства. Иерархические связи разрушались, потому что приходы и монастыри больше зависели от своих патронов, чем от епископов. На православных постоянно оказывалось давление в целях перехода их в католичество либо в унию. Временные ослабления этого

давления, как правило, были связаны с внешней политикой — желанием обеспечить лояльность православного населения во время войн с Русским государством. Начиная с 70-х годов XVI века — как раз незадолго до приезда патриарха Иеремии, — в результате активизировавшейся в ходе Контрреформации прозелитической деятельности католической Церкви, главную роль в которой играл орден иезуитов, случаи перехода западнорусской православной шляхты и городского мещанства в католицизм сделались массовыми. Сменив веру, феодалы присваивали себе имущество находившихся под их опекой церковных учреждений. В результате этого процесса епископские кафедры и монастыри Западнорусской митрополии лишились части владений, причем многие древние православные обитатели вовсе прекратили свое существование. В этих условиях архиереи деградировали с нравственной стороны, а паства видела в епископах, стремившихся любыми путями упрочить свою власть и полностью распоряжаться доходами епархий, противников необходимых преобразований (создания православных училищ, типографий) и добивалась их удаления с кафедр. Такова реальная история Киевской митрополии под властью Константинопольского Патриархата.

Действительно, Патриарх Иеремия благодаря своему личному посещению Киева и других городов митрополии сумел сделать достаточно многое, но однократное вмешательство не могло заменить постоянной заботы и попечения. Поэтому отложенным следствием его действий стали конфликты между поставленными им архиереями и благословленными им же православными братствами, которые видели, что епископы продолжают вести привычный полусветский образ жизни и не торопятся тратить средства на основание школ и типографий. Уже 6 февраля 1592 года Львовское братство в послании к Александрийскому Патриарху Мелетию I Пигасу обратилось к нему с просьбой: «Прииди и заступи стадо, люте от душетлеющих волков расхищаемо». 7 сентября того же года братчики просили Константинопольского Патриарха Иеремию II прислать своего экзарха, чтобы созвать Собор для суда над недостойными епископами, в том числе и над Михаилом (Рагозой). А уже в начале 1595 года Михаил (Рагоза) присоединился к сторонникам унии вместе с епископом Кириллом (Терлецким), возвышенным Патриархом Иеремией до статуса патриаршего экзарха, и именно они во многом обеспечили победу унии.

В связи с упоминанием Патриарха Иеремии II авторами документа «Вселенский престол...», следует прокомментировать еще одно утверждение, помещенное в документе в раздел с выводами:

Вселенский Патриархат никогда не уступал Киевскую митрополию с тем, чтобы она представляла собой каноническую территорию Московского Патриархата. Канонические границы Русской Церкви были установлены в 1589 г., когда она была возвышена до ранга Патриархата, и никогда не менялись Патриаршим или Синодальным «Томосом».

Это утверждение никак не учитывает деяния Константинопольского Собора 1593 года, которые были одобрены в том числе Константинопольским Патриархом, но также и другими восточными Патриархами и сонмом архиереев, отчего превосходят по своему статусу любые деяния Константинопольского Патриархата в отдельности.

Действительно, в 1589 году в Москве была составлена Уложенная грамота, подписанная царем Феодором Иоанновичем с Константинопольским Патриархом Иеремией II вместе с митрополитом Московским (который и был возведен в достоинство Патриарха) свт. Иовом и несколькими десятками архиереев и монашествующих лиц, в подавляющем большинстве — русских. В этой грамоте перечисляются епархии, подчинявшиеся Московскому первосвятителю по состоянию на 1589 год¹. В 1590 году из Константинополя в Москву была отправлена синодальная грамота Патриарха Иеремии и иерархов Константинопольского престола, одобрявшая возведение свт. Иова в Патриарший сан в 1589 году. Эта грамота, однако, не удовлетворила Москву, так как в ней не было подписи «Судии вселенной», то есть Александрийского Патриарха (последующий научный анализ грамоты показал, что большинство подписей в ней и вовсе были подделаны чиновниками Константинопольской Патриархии ради того, чтобы поскорее отправить этот документ в Москву²), из-за чего российские власти справедливо опасались, что решение Константинополя может быть впоследствии пересмотрено под тем или иным предлогом.

Поэтому вопрос о Московском Патриаршестве был окончательно решен не в 1589 или 1590, а только в 1593 году, когда в Константинополе состоялся Собор всех Восточ-

¹ Богданов А. П. Русские Патриархи (1589–1700). М., 1999. Т. 1. С. 88–97.

² Фонкич Б. Л. Из истории учреждения Патриаршества в России: соборные грамоты 1590 и 1593 гг. // Он же. Греческие рукописи и документы в России в XIV — начале XVII в. М., 2003. С. 377–384.

ных Патриархов, включая Александрийского (который имел голос также Антиохийского Патриарха, по поручению последнего). Именно этот Собор и утвердил решение о Московском Патриаршестве, о чем прямо говорится в его деянии, подписанном в том числе Патриархом Константинопольским³. В этом деянии границы юрисдикции Московского Патриарха определяются так: πάσης Ῥωσίας καὶ τῶν ὑπερβορείων μερῶν, то есть «вся Русь и [все] северные страны». Такое определение границ явно не сводится к перечню епархий из Уложенной грамоты 1589 года, особенно с учетом «северных стран».

Более того, отцы Собора 1593 года признали русского царя в качестве единственного в мире православного монарха, установив его обязательное поминовение на всех службах — в том числе, на двупсалмии утрени, где в византийскую эпоху поминались только византийские императоры. Признание такого статуса за русским царем теоретически позволяло ему, в соответствии с 17-м правилом IV Вселенского Собора, менять границы церковных юрисдикций⁴. Впрочем, русские цари не дали повода обвинить себя в злоупотреблении этим правилом — в частности, в 1686 году они не просто проинформировали Константинополь об изменениях «гражданского и земского порядка» (хотя, в соответствии с указанным правилом, могли бы это сделать), но сочли для себя возможным обратиться в Константинополь с просьбой об уступке Киевской митрополии в пользу Московского Патриархата. Эта их просьба была полностью удовлетворена, вопреки утверждению авторов документа «Вселенский престол...».

³ Фонкич Б. Л. Акт Константинопольского Собора 1593 г. об основании Московского Патриархата // *Он же. Греческие рукописи и документы в России в XIV — начале XVII в. М., 2003. С. 385–399.*

⁴ Ср. 28-е правило того же Собора, где эксплицитно указывается, что и сам Константинопольский престол получил свои особые преимущества по причине нахождения в городе царя.

Возможно, еще более значимую помощь Украинской Церкви Вселенский Патриархат оказал, когда эта Церковь полностью переродилась на латинский манер и вместе с епископатом присоединилась к Унии. Тогда (1620) Вселенский Патриарх наделил Иерусалимского Патриарха Феофана полномочиями посетить Украину, рукополагать там православных епископов, восстановить Епархиальный Собор Украины и избрать нового Митрополита с одобрения Вселенского Патриарха. Рукоположение иерархов Киевской Митрополии Иерусалимским Патриархом, естественно, не означало, что митрополия переходит в подчинение его Патриархату.

Мы уже видели, к каким последствиям привело однократное вмешательство Константинопольского Патриарха Иеремии II в условиях тех сложных обстоятельств, в каких Православие находилось в Речи Посполитой. С тем, что эти последствия были фатальны, по сути согласны и авторы документа, которые признают, что «Украинская Церковь» (то есть Киевская митрополия Константинопольского Патриархата) перешла в унию (добавим, что со времени визита Патриарха Иеремии не прошло и десяти лет⁵), так что в 1620 году ее иерархия была создана полностью заново Иерусалимским Патриархом Феофаном IV.

Однако авторам документа не следовало забывать и то, что деяния Патриарха Феофана вызвали резко враждебную реакцию властей Речи Посполитой; были изданы универсалы об аресте рукоположенных им архиереев. В таких условиях активизировались никогда не прекращавшиеся связи православных из будущих Украины и Белоруссии с Москвой. Русское правительство, выждав некоторое время, начало поддерживать поставленных Патриархом Феофаном IV епископов: из Москвы поступала разнообразная помощь (деньги, церковные облачения, книги и др.) не только Киевской митрополичьей кафедре, но и многим православным обителям и братствам. Связи с Москвой, которые поставленный Патриархом Феофаном митрополит Киевский Иов (Борецкий; †1631) прочно наладил к 1625 году, поддержал и его преемник — митрополит Исаия (Копинский), избранный в 1631 году.

⁵ В униатской историографии распространена точка зрения, согласно которой переход Киевской митрополии в унию был спровоцирован тем, что Патриарх Иеремия II возвел митрополита Московского и всея Руси свт. Иова в сан Патриарха — якобы православное население Речи Посполитой не желало подчиняться Московскому Патриаршему престолу. Впрочем, содержание переписки иерархов Киевской митрополии тех лет не дает оснований для такого вывода.

В то же время польские власти так и не согласились с епископскими поставлениями 1620 года, и только в 1632 году православная шляхта во главе с архимандритом Петром (Могилой) сумела на сейме добиться признания права иметь свою иерархию и выбрала ряд кандидатов на епископские кафедры — прежде всего, Киевскую, которую занял сам св. Петр (Могила), причем после его поставления митрополит Исаия (Копинский) был арестован, а после освобождения так и не был официально признан.

Когда в 1654 г. произошло политическое объединение Украины с Россией, стал обсуждаться вопрос и о церковном объединении этой территории с Московским Патриархатом. Однако митрополиты, епископы, клир, знать, да и вообще весь украинский народ резко возражали против объединения. Попытки России получить себе Киевскую Митрополию в 1684 г. от Вселенского Патриарха Иакова были напрасны.

Действительно, событие 1654 г. и в Москве и на Украине воспринималось как «воссоединение» разных частей ранее единого древнерусского государства и разных частей единого «русского народа», ранее разделенного политическими границами. Вполне естественно, что с «воссоединением» государства и народа, восстановлением политического и народного единства был поднят вопрос о восстановлении и церковного единства, тем более, что сам центр Киевской митрополии — Киев — вошел в состав русского государства. Вопрос этот неоднократно затрагивался еще в 50–60-х годах XVII века в контактах русских властей как с православным духовенством на Украине, так и с иерархами, приезжавшими в Москву с Ближнего Востока. Однако царь Алексей Михайлович в условиях начавшейся в 1654 году затяжной войны между Россией и Речью Посполитой отнюдь не торопился с решением этого вопроса.

Катализатором для актуализации усилий русского правительства в вопросе о Киевской митрополии стало неисполнение польскими властями условий Андрусовского мирного договора января 1667 года⁶. В 3-й статье договора предусматривалось, что «всякого чину русским людям» на землях, отошедших к Речи Посполитой, «волное имеет бысть употребление веры греческой без всякого в отправовании службы Божией за-

⁶ По этому соглашению, земли Левобережной Украины (т. е. восточная часть Киевской митрополии) вошли в состав русского государства, а земли Правобережной Украины и Белоруссии (т. е. западная часть Киевской митрополии) остались в составе польско-литовского государства, образовавшегося благодаря объединению в единое целое королевства Польского и Великого княжества Литовского.

труднения»⁷; на практике, однако, дело обстояло иначе. В сочинении «Пересторога Україні», возникшем в кругу киевского духовенства в 1669 году, приведены сообщения о том, что в Полоцке, Витебске, Могилеве, Белзе, Замостье у православных подданных церкви отобрали и переданы униатам, «а православних мешчан з мест выгнано, а инших помучено, же зо всех маетностей злувлено, а инших на горло осужено»⁸. Составленное около 1670 года сочинение «Наветы», изданное украинским исследователем Я. Д. Исаевичем, содержит подробное описание различных видов преследований, которым подвергалось православное население польско-литовского государства⁹.

В этих условиях был поднят вопрос о необходимости заступничества русского царя за своих единоверцев. Уже в январе 1669 года посланцы с Левобережья передали советникам царя «Статьи народу церкви православной Русской... зело нужные», которые следовало предложить польско-литовской стороне на будущих мирных переговорах¹⁰. Речь шла о том, чтобы абстрактная общая формула Андрусовского договора была дополнена рядом гарантий, которые обеспечивали бы выполнение зафиксированных в договоре норм. В частности, отмечалось, что православным должна быть обеспечена свобода сношений с Константинопольским Патриархом «в делах их духовных». Вопрос о положении православных в Речи Посполитой стал предметом обсуждения на русско-польских переговорах в начале 1672 года. На встрече 11 января русские представители (советники царя Ю. А. Долгоруков и А. С. Матвеев) добивались выполнения норм 3-й статьи Андрусовского договора, которые на практике нарушались польско-литовской стороной. Ответ польско-литовских послов заслуживает особого внимания, так как изложенной в нем позиции представители Речи Посполитой продолжали придерживаться и в последующие годы: они отвергли любые утверждения о «гонениях» православных в Речи Посполитой и предложили свое толкование статьи 3-й Андрусовского договора — с их точки зрения, она имела в виду жителей «токмо народу Московского», которые в силу разных причин оказались на территории Речи Посполитой, а самих православных жителей Речи Посполитой не касалась. Следовательно, по их мнению, Москве не следовало поднимать вопрос об их правах: «В чужом дому господаревать не годитца».

⁷ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1. С. 659 (№ 398).

⁸ Мицик Ю. А. Перший український історико-політичний трактат // Український історичний журнал. 1991. № 5. С. 138.

⁹ Исаевич Я. Д. «Навіти» — неведома памятка української публіцистики XVII ст. // Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР. 1964. № 6. С. 52–62.

¹⁰ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее — АЮЗР). СПб., 1875. Т. 8. С. 3–6.

Положение еще больше осложнилось с середины 70-х годов XVII века. В политике правящих верхов Речи Посполитой уже на сейме 1674 года, завершившемся избранием королем Яна Собеского, появились планы форсированного осуществления «новой унии». Собравшийся в начале 1676 года коронационный сейм — высший орган власти польско-литовского государства — принял ряд важных решений, выполнение которых должно было подготовить почву для осуществления «новой унии». Решением сейма под угрозой смертной казни и конфискации имущества были запрещены православным подданным без специального разрешения власти сношения с Патриархом Константинопольским, который находился во вражеской стране. Одновременно отменялась возможность каких-либо апелляций к Патриарху Константинопольскому как верховному судье по церковным делам. Решением коронационного сейма православные братства были подчинены власти епископов, на решения епископов им было запрещено апеллировать к Патриарху. Апелляционной дистанцией вместо Патриаршего суда для них должен был стать королевский суд¹¹. Дальнейшие шаги по проведению планов «новой унии» в жизнь были предприняты весной 1681 года во время работы очередного собравшегося в Варшаве сейма.

Уже в это время стало очевидным, что без вхождения Киевской митрополии в Русскую Церковь оказать какую-либо действенную помощь православным в Речи Посполитой будет невозможно. И требования по именно такому решению проблемы выдвигались отнюдь не из Москвы, а как раз с Украины, в сообщениях гетмана Ивана Самойловича. Передача Киевской митрополии под юрисдикцию Московского Патриархата должна была положить конец угнетению православного населения Киевской митрополии. Русское правительство пошло навстречу этим требованиям. В грамоте, адресованной Патриарху Константинопольскому в 1684 году, оно впервые прямо просило о передаче Киевской митрополии Московскому Патриархату: «Чтоб впредь того нашего богоспасаемого града Киева и церкви Божии на митрополии престол избрати и поставляти пастыря в нашем царствующем граде Москве», — причем обосновывалась эта просьба тем положением дел, которое сложилось в Киевской митрополии: «Малороссийскому народу за далним к вашему архипастырству престолу в проездех пути и за великим бурсманским гонением и насилуованием, также и за воеванными случаями постановление и благословение принимать от вашего архипастырства чинятца препоны». При этом в

¹¹ Volumina legum. Spb., 1860. Т. 5. S. 180. См. также: Беднов В. А. Православная церковь в Польше и Литве (по: Volumina legum). Минск, 2002. С. 276–277.

грамоте подчеркивалось, что московские власти, обращаясь к Константинопольскому Патриарху, руководствовались просьбой самих православных жителей Киевской митрополии: «За приношением челобитья подданного нашего Войска Запорожского обеих сторон Днепра гетмана Ивана Самойловича и генеральной войсковой старшины и всего малороссийскаго народа как духовных, так и мирских людей»¹².

Грамоту повезло не официальное посольство, а греческий купец Захария. Поездка Захарии в Константинополь в 1685 году действительно оказалась безуспешной. Но каковы были причины ее неудачи? По показаниям самого Захарии, в разговоре с ним Патриарх был согласен переподчинить Киевскую митрополию, однако осуществлению данного решения помешала внутривосточная ситуация, сложившаяся в Османской империи на фоне военных поражений в турецко-австрийской войне. Иерусалимский Патриарх Досифей несколько иначе объяснял причины провала миссии: при разговоре с подьячим Никитой Алексеевым в 1686 году он сообщал, что царскую грамоту, направленную с Софиром (Захарией) в 1684 году, «многие греки видели, а потом, де, он ее подал Патриарху Иякову», и Патриарху «по той грамоте учинить невозможно, потому что она явна стала всем в Царегороде». Поэтому Патриарх Досифей советовал, чтобы «впредь б с такими незнающими людьми писем никаких не посылали». Таким образом, дело скорее всего заключалось в грубых дипломатических ошибках и прежде всего в игнорировании роли османского правительства — при том, что принципиальная позиция Посольского приказа заключалась как раз в том, чтобы решать сугубо церковные дела без участия мусульманских властей, что позже чуть было не стало причиной провала миссии Никиты Алексеева.

Митрополит Киевский Сильвестр и его преемники Дионисий, Иосиф и Антоний, несмотря на давление, не приняли рукоположение от Патриарха Московского Иоакима. Только их преемник Гедеон в 1685 г. был переубежден и принял рукоположение от Патриарха Московского Иоакима.

В этом утверждении в одном ряду перечислены лица, в реальной жизни занимавшие принципиально разные позиции. *Сильвестр* (Косов) был последовательным противником сближения с Россией и даже вел тайные переговоры с польским правительством, заверяя его в своей лояльности. *Дионисий* (Балабан) и *Иосиф* (Нелюбович-

¹² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 219. Л. 358 об.–364; Там же. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 25. Л. 34–40.

Тукальский) в своей политической деятельности ориентировались на тех гетманов — сначала на Ивана Выговского, потом на Петра Дорошенко, — которые, лавируя между соседями Украины, все время вступали то в одни, то в другие союзы. Поэтому эти митрополиты покинули Киев и проживали на территории Речи Посполитой. Митрополит *Антоний* (Винницкий) — кстати, прямой конкурент митрополита Иосифа, так что при них митрополия была фактически разделена на части, — в 1678 году выражал свое желание перейти в Русскую Церковь, а в 1679 году на польском сейме, встретившись с русскими послами, просил царя и его советников противодействовать политике распространения унии в Речи Посполитой.

Среди украинского духовенства были и еще более последовательные сторонники укрепления связи с православной Россией — например, архиепископ Лазарь (Баранович) и архимандрит Киево-Печерского монастыря Иннокентий (Гизель). К ним прикнул и будущий митрополит *Гедеон* (Святополк-Четвертинский), который, однако, отнюдь не был «убеждаем» Москвой (Москва предпочла бы Лазаря (Барановича)), но был креатурой гетмана Ивана Самойловича. Их переписка, дошедшая до нас, не свидетельствует о каком-либо давлении на Гедеона.

Тогда в Киеве был созван представительный по числу участников Собор, который объявил недействительным избрание и незаконным рукоположение, как совершенное без ведома Вселенского Патриарха.

Во-первых, собрание украинского духовенства и представителей казачества, на которое ссылается документ, никак нельзя назвать «представительным»: на нем не присутствовало ни одного архиерея!

Во-вторых, из материалов этого собрания — кстати, очень хорошо сохранившихся, — совершенно не следует, что его участники признали избрание митрополита Гедеона недействительным (а тем более — незаконным его рукоположение). Правда заключается в том, что они лишь предлагали иную последовательность действий: сначала вопрос о митрополии необходимо урегулировать между Москвой и Константинополем, после чего духовенство митрополии будет готово официально заявить о согласии на переход под «диоцезию» патриарха всея Руси («нехай не от нас будет початок»).

В-третьих, документ представляет дело так, будто указанное собрание состоялось уже после поездки Гедеона в Москву, где он был избран и рукоположен в митрополичий

сан. В действительности, собрание состоялось *до* поездки Гедеона в Москву, после избрания его митрополитом *в Киеве*.

При этом никакого «рукоположения» в Москве над Гедеоном не совершалось: к моменту избрания он уже был епископом, а практика повторного рукоположения при поставлении в митрополиты или Патриархи прекратилась еще при Никоне. Скорее всего, ему лишь были вручены знаки митрополичества (куколь, посох) и провозглашено его имя в новом качестве. И, конечно же, киевские священники без участия епископов никак не могли бы извергнуть Гедеона из сана.

Поэтому заявления о низложении Гедеона «Поместным Собором» в Киеве — это самая настоящая подмена понятий. Киевское собрание никого не низлагало и лишь сформулировало ряд требований к русскому правительству, касающихся, прежде всего, привилегий малороссийского духовенства, а также высказало некоторые опасения. С этими опасениями была тесно связана и боязнь того, что католики и униаты в Речи Посполитой воспользуются отказом Константинопольского Патриарха от Киевской митрополии как прецедентом для принуждения всех оставшихся в Короне и Литве православных общин к принятию унии и верховенства папы. Указанные требования и опасения были сформулированы гетманом в послании в Москву. В сентябре царское правительство в послании к Гедеону обнародовало свою позицию. Все условия киевского собрания были приняты, кроме разрешения сохранить за митрополитом титул экзарха Константинопольского Патриарха, так как находящемуся «под благословением» Патриарха Московского так «именоваться неприлично».

Раздел 2. «Что следует из изучения текстов?»

В 1686 году Константинопольская Патриархия удовлетворила просьбу русских и украинских властей относительно Киевской митрополии. Государев «гонец» Никита Алексеев и посланник гетмана Иван Лисица доставили в Москву и Киев несколько письменных документов патриаршей канцелярии, датированных маем и июнем этого года¹³.

Грамоты, датированные маем 1686 года:

1. *Грамота Патриарха Константинопольского Дионисия к царям Ивану Алексеевичу, Петру Алексеевичу и к царевне Софье*. Сохранилась в греческом подлин-

¹³ Судьба документов, доставленных в Москву Никитой Алексеевым, была прослежена в статье В. Г. Ченцовой «Синодальное решение 1686 г. о Киевской митрополии» в журнале «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». 2017. № 2 (68). С. 89–110.

нике (РГАДА Ф. 52. Оп. 1. № 669) и в переводе на русский язык (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 25. Л. 416–422 об.; Ф. 52. Оп. 1. 1687 г. № 3. Л. 1–13)¹⁴.

2. *Грамота Патриарха Константинопольского Дионисия к Патриарху Московскому Иоакиму*. Сохранилась в переводе на русский язык (РНБ. Погодин. № 1115. Л. 308 об. — 310)¹⁵.
3. *Грамота Патриарха Константинопольского Дионисия к гетману Ивану Самойловичу*. Сохранилась в переводе на русский язык (РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 162. Л. 74–79)¹⁶.
4. *Грамота патриарха Константинопольского Дионисия к царевне Софье*. Сохранилась в переводе на русский язык (РГАДА. Ф. 89. Оп.1. Кн. 25. Л. 461–466 об.; Ф. 52. Оп. 1. 1687 г. № 3. Л. 71-80; ГИМ (два списка))¹⁷.

Грамоты, датированные июнем 1686 года:

5. *Синодальное постановление о Киевской митрополии* (ранее было известно в русском переводе как «Грамота Константинопольского Патриарха Дионисия отпустительная о Киевской митрополии»). Сохранилась копия греческого оригинала (МИЕТ/ИПА. № 22. Fol. 202–203), также сохранился перевод на русский язык (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1687 г. № 3. Л. 25–32а)¹⁸.
6. *Грамота Константинопольского Патриарха Дионисия и синода о порядке избрания и рукоположения Киевского митрополита*. Сохранилась копия греческого оригинала (МИЕТ/ИПА. № 22. Fol. 203–204), также сохранился перевод на русский язык (РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 162. Л. 80–84)¹⁹.
7. *Соборная грамота Константинопольского Патриарха Дионисия и синода к Патриарху Московскому Иоакиму*. Сохранилась в переводе на русский язык (РНБ. Погод. № 1115. Л. 310 об. — 32 об.)²⁰.
8. *Грамота Константинопольского Патриарха Дионисия к царям Ивану Алексеевичу, Петру Алексеевичу и к царевне Софье*. Сохранилась в переводе на русский язык (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 25. Л. 424–431; Ф. 52. Оп. 1. 1687 г. № 3. Л. 14–19, 21–23)²¹.

¹⁴ Публикация: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел (далее — СГГД). М., 1826. Ч. 4. С. 509–514; АЮЗР. Ч. 1. Т. 5. С. 172–177.

¹⁵ Публикация: АЮЗР. Ч.1. Т. 5. С. 166–168.

¹⁶ Публикация: АЮЗР. Ч.1. Т. 5. С. 169–171.

¹⁷ Не публиковалась.

¹⁸ Публикация: СГГД. Ч. 4. С. 517–519, греческий текст — в упомянутой выше статье В. Г. Ченцовой.

¹⁹ Публикация: АЮЗР. Ч.1. Т. 5. С. 189–191, греческий текст — в упомянутой выше статье В. Г. Ченцовой.

²⁰ Публикация: АЮЗР. Ч.1. Т. 5. С. 186–189.

²¹ Публикация: АЮЗР. Ч.1. Т. 5. С. 177–182.

9. *Разрешительная грамота Константинопольского Патриарха Дионисия и синода митрополиту Киевскому Гедону*. Сохранилась в переводе на русский язык (РНБ. Погод. 1115. Л. 352–354)²².
10. *Послание Константинопольского Патриарха Дионисия гетману Ивану Самойловичу, клирикам и мирянам Киевской митрополии*. Сохранилось в переводе на русский язык (РГАДА. Ф.229. Оп.1. Д. 162.Л. 85–88)²³.
11. *Письмо Константинопольского Патриарха Дионисия князю В. В. Голицину*. Сохранилось в переводе на русский язык (РГАДА. Ф. 89. Оп.1. Кн. 25. Л. 485 об. — 487; Ф. 52. Оп. 1. 1687 г. № 3. Л. 88–90)²⁴.

Что же вычитали из этих текстов греческие и некоторые русские коллеги, которых Константинопольский Патриархат особо благодарит в своей публикации²⁵?

*Суть «подчинения» Киевской Митрополии Московскому Патриарху состояла исключительно в **дозволении рукополагать** Киевского Митрополита; это данное Московскому Патриарху дозволение рукополагать Киевского Митрополита, причем **только его одного**, при том, что **избирается он клиром и народом**; речь идет уступке другому архиерею права рукополагать архиерея находящегося в подчинении у господствующего архиерея с дозволения этого господствующего архиерея, причем это решение носит временный характер.*

²² Публикация: АЮЗР. Ч.1. Т. 5. С. 184–186.

²³ Публикация: АЮЗР. Ч.1. Т. 5. С. 182–183.

²⁴ Не публиковалось.

²⁵ Речь идет, прежде всего, о К. Ветошникове и В. М. Лурье, чьи имена прямо названы в документе. Константин Ветошников защитил диссертацию кандидата богословия в 1996 году в Московской духовной академии (Сергиев Посад); позднее получил докторские степени: по богословию — в Фессалоникийском университете (Греция), по истории — в Сорбоннском университете (Франция). Вадим Миронович Лурье, имеющий научную степень доктора философских наук, более известен под именем «иеромонаха/епископа Григория»; он является главой организованного им и его единомышленниками Временного церковного совета Русской православной автономной церкви (РПАЦ) — церковной организации, отколовшейся от РПЦЗ (при этом в РПАЦ В. М. Лурье официально лишен священного сана). Интересно, что сам В. М. Лурье считает Константинопольский Патриархат отпавшим от Православия (ср., напр.: «Оставаясь в общении с Константинополем, ты выбираешь, как минимум, тех, кто сам теперь находится под анафемами, наложенными на католиков... У Константинопольского конгломерата церковных организаций и у святых отцов... вера разная» — Григорий (Лурье), *иером.* Истинно-Православная Церковь и World Orthodoxy: История и причины разделения).

Итак, следуем за авторами этих утверждений, при этом осознаем, что все документы, адресованные патриархом Дионисием московским государям, патриарху Иоакиму и гетману Самойловичу, представляют собой единый комплекс, в котором наиболее важными представляются грамоты государям и Синодальное постановление.

В майской грамоте государям Патриарх Дионисий достаточно ясно формулирует полученное им предложение московских государей: «Чтобы эта Киевская епархия была подчинена святейшему Патриаршему престолу Москвы». То есть речь идет не о признании поставления митрополита Гедеона в качестве экстраординарного случая, а о включении Киевской митрополии в Московскую Патриаршую юрисдикцию. Это подтверждается последующим разъяснением в грамоте: «Так чтобы, если возникнет необходимость рукоположить достойное лицо, которое будет избрано подвластными этой митрополии епископами, архимандритами, игуменами, иереями, иеромонахами, монахами, начальниками и прочими, с разрешения и поощрения тамошнего в данное время славнейшего гетмана, то блаженнейший Патриарх Москвы и вся России, какой будет в данное время, имел возможность рукополагать его по церковному уставу и объявлять подлинным и законным, и каноничным митрополитом Киевским с его прерогативами и вручать ему так называемое деяние на пергамене, где прямо излагается, что каждый из архиереев имеет власть совершать в собственной епархии». Указанное предложение государей было рассмотрено иерархами Константинопольского престола во главе с Патриархом и было оценено как «обоснованное» и «справедливое»; более того, забота («попечение») о Киевской митрополии со стороны Русского государства «заслужила великую похвалу и крайнее восхищение».

В изданных и помещенных в кодекс Константинопольской Церкви грамотах говорится, *во первых*, о праве Патриарха Московского и всея Руси Иоакима рукополагать Киевского митрополита: «Блаженнейший патриарх Московский и всея России кир Иоаким, во Святом Духе возлюбленный и всежеланный брат и сослужитель нашей мерности имеет дозволение рукополагать Киевского митрополита по церковному уставу»; *во вторых*, о том, что это право распространяется и на всех его преемников на Московской Патриаршей кафедре: «Патриархи, которые будут после него, подобным же образом...»; *в-третьих*, о переходе Киевской митрополии в подчинение Московскому Патриарху: «Митрополия Киевская да будет подчинена святейшему Патриаршему престолу Московскому, и архиереи в ней да признают старейшиной и предстоятелем Патриарха Московского, какой будет в данное время, как рукополагаемые им».

В Синодальном постановлении предложение русских государей, Патриарха и гетмана формулируется следующим образом: «Чтобы блаженнейшему патриарху Московскому было дано дозволение рукополагать митрополита Киевского, когда эта митрополия останется лишеной подлинного архиерея, или архиерей будет низложен по веской причине», «чтобы эта епархия не оставалась в дальнейшем без предстоятеля». Такое изложение отличается от реального обращения государей: «Чтобы впредь той епархии быть под властью и благословением Московского патриарха и по нём будущих святейших Московских патриархов».

Патриарх далее сообщает, что он «охотно принял это прошение как обоснованное и справедливое», поэтому соборно выносится постановление, «дабы святейшая епархия Киевская была подначальна святейшему Патриаршему престолу великого и богоспасаемого града Москвы, то есть чтобы митрополит Киевский рукополагался в ней блаженнейшим Патриархом Московским» и «получал от него так называемое деяние на пергамене, и признавал его своим старейшиной и предстоятелем, как рукополагаемый от него, а не от Вселенского».

Синодальное постановление предостерегает: «Никто совершенно не будет противиться и возражать против этого, как происшедшего обоснованно и справедливо. Тот же, кто будет мыслить против написанного или захочет как-то иначе выказать неповиновение или противление, тот будет противостоят повелению Господню и получит от Него воздаяние как презирающий Патриархов, которые суть одушевленные и живые образы Божии. Поэтому для объявления и утверждения этого дела написана настоящая грамота соборного издания в священном кодексе нашей Великой Христовой Церкви, а список ее вручен блаженнейшему Патриарху Московскому кир Иоакиму в лето спасенное 1686, месяца июня, индикта 9». Это предостережение явно свидетельствует не о временном, а об окончательном решении дела о Киевской митрополии.

Об окончательном характере принятого решения также свидетельствует еще один синодальный документ — грамота «О том, что избрание кандидата на рукоположение теми, кто в Киевской митрополии, происходит по местному обычаю». Собор архиереев «объявляет во Святом Духе, делая неотъемлемым и утверждая обычай этого избрания будущего митрополита Киевского, когда случится, подвластными ей (Киевской митрополии — *Ред.*), так чтобы когда Киевская епархия лишится архиерея, то подвластные ей боголюбивейшие епископы, преподобнейшие архимандриты и игумены священных и достопочтенных монастырей и иеромонахи, благоговейнейшие иереи и преподобные

монахи и прочие все, с дозволения и поощрения пресветлейшего и благочестивейшего в данное время гетмана Запорожского и обоих берегов Борисфена имели возможность, как есть добрый и согласно канонам установившийся обычай, отправить избранного с рекомендательными письмами к Патриарху Московскому, какой будет в данное время, чтобы получить от него рукоположение или перевод, подобно и отпустительное свое деяние согласно выданной престолу Московскому нашей Патриаршей грамоте соборного издания, сотворенной по икономии и снисхождению без чьих-либо возражений».

В грамоте к русским государям, датируемой июнем 1686 года, эти темы раскрываются в пояснении, которое Патриарх Дионисий счел необходимым направить московским царям в объяснение своих решений: Киевская митрополия передается Патриарху Московскому, который «имеет волю совершити невозбранно, елико ползует к поставлению митрополита епархии сей по древнему обычаю места того, и избранием общего совета оныя епархии, якоже объявляют наши соборные грамоты, да имеет хиротонисати блаженство его митрополита Киевского невозбранно, и да будет послушен митрополит в Патриаршеском судилище того ж Патриарха Московского по церковному чину. <...> И да будет отныне и впредь сим образом хиротонисания Киевского, спасения ради тамо живущих христиан». Таким образом, вновь подчеркивается, что передача Киевской митрополии в подчинение Патриархам Московским — включая судебную юрисдикцию последних над Киевскими митрополитами, — происходит без какого-либо временного ограничения.

В майской грамоте Патриарха Константинопольского Дионисия к Патриарху Московскому Иоакиму сообщается, что Патриарх и «святой собор архиерейский» приговорили: «Да отныне тая митрополия Киевская да будет подлежащи ко святому Патриаршескому Московскому престолу, яко егда прилучится нужда поставления хотящему быти во епархии той, да поставляется от Патриаршествующаго по временам в богохранном великом граде Москве». И Киевский митрополит «да знает старца и настоятеля своего по временам Патриарха Московскаго». Эти слова полностью опровергают любые заявления о якобы временном характере переподчинения Киевской митрополии.

В письме к гетману Ивану Самойловичу Киевской митрополии предписывается «быти подлежащей под святейшим Патриаршеским великого и богоспасаемого града Москвы престолом» и разъясняется, что после избрания кандидата на митрополичью кафедру духовенством, боярством и другими сословиями «обоих сторон Днепра», он должен «хиротонисатися от блаженнейшаго Патриарха Московского и принять от него

еже в мемвранах (ставленную грамоту — *Ред.*), а также «познавати ево старейшаго и наставника своего, понеже от него хиротонисан есть».

В июньском письме к гетману, клирикам и мирянам Киевской митрополии Патриарх Дионисий «вкупе с преосвященными митрополиты и честными» повелевает всем христианам Киевской епархии признать митрополита Гедеона как «искренняго архиерея и законного наставника, и духовнаго пастыря». И несмотря на то, что «епархии сей покорство приложися святейшему престолу патриарха Московского», послушание Киевскому митрополиту «да будет всеконечно».

Таким образом, Киевская митрополия передавалась в Московский Патриархат не временно, а постоянно; принятые решения распространялись не только на действующих Патриархов Московских и митрополитов Киевских, но и на их преемников; все православные Киевской митрополии призывались признать это решение как спасительное, законное и окончательное.

... требование, чтобы каждый последующий Митрополит Киевский поминал Константинопольского Патриарха на Божественной литургии ἐν πρώτοις

Такое требование действительно содержится в большинстве документов. В майской грамоте царям оно прописано следующим образом: «Когда митрополит Киевский будет священнодействовать бескровное и божественное таинводство в этой епархии, он будет поминать на первом месте почтенное имя всесвятого Вселенского Патриарха, ... а затем [имя] Патриарха Московского». В Синодальном постановлении указано: «Когда же сей митрополит Киевский будет совершать в этой епархии божественную и священную и бескровную Жертву, он будет поминать первым (или ἐν πρώτοις — *Ред.*) честное имя Вселенского Патриарха... а потом Патриарха Московского как своего старейшины». Согласно июньской грамоте государям, в Киевской митрополии на митрополичьих службах должно «воспеватися ... Патриаршескому имени Вселенского Патриарха в первых, потом правильно имя Патриарха Московского, от по времени сущу митрополиту во священных литургиях, оное убо хиротонии ради, юже восприимает от Московскаго и долженствует по правилом воспоминати его». В грамоте Патриарху Иоакиму и грамотах гетману поименование Патриарха Константинопольского перед Московским при совершении митрополитом Киевским литургии определяется

как единственное требование: «Едино токмо да хранит». Так что авторы правы в том, что это требование неслучайное, и притом важное для Константинополя.

Но вот его обоснование ни в одной из грамот, как ни странно, не содержит никаких ссылок на какие бы то ни было правила и не выдвигается в качестве условия, неисполнение которого отменяло бы все решение. Каково же обоснование? В грамоте государям оно включает два аргумента: во-первых, Вселенский Патриарх является духовным главой православного мира, «будучи источником всех», и от него «раздаются все блага в концы вселенной», и, во-вторых, он является первоисточником создания самой Киевской митрополии, юрисдикцию над которой («подчинение ее») теперь «передает престолу Патриарха Московского». В Синодальном постановлении аргументом вновь служит утверждение, что Константинопольский Патриарх «есть источник и начало и вышестоящий для всех повсюду епархий и приходов». В июньской грамоте государям основание для этого требования уже приводится несколько иное: «Во еже хранитися чести окрест Вселенскаго престола <...> и да не будет пренебрегание и лишение весма в своих привилиях <...> овое же памяти ради древних привилий Вселенскаго престола». В майской грамоте Патриарху Иоакиму обоснование сходно с первым аргументом в первом послании к государям: «Яко от него [Патриарха Константинопольского — *Ред.*] всем укрепляемым суть и всякому благу виновну, и подателю сущу в концах вселенныя преславно и чудно». То же — и в грамоте гетману: «Понеже от престола сево напаяется вся вселенная и чрез него во всем мире благая изливаются».

Авторы документа «Вселенский престол и Украинская Церковь. Говорят тексты» — а следом за ними и Константинопольская Патриархия — считают требование Патриарха Дионисия о поминовении ἐν πρώτοις «железным аргументом» в подтверждение их тезиса о якобы временной передаче Киевской митрополии Московскому Патриархату. Как мы уже видели, документы никоим образом не подтверждают мысль о временном характере смены юрисдикции; обоснования же, какие Патриарх Дионисий дает своему требованию, раскрывают его интенции исчерпывающим образом. Своим требованием он хочет, прежде всего, напомнить об особых привилегиях Вселенского престола в масштабах вселенной, а также подчеркнуть историческую роль Константинополя в создании Киевской митрополии — не менее, но и не более того!²⁶

²⁶ Вопрос о том, совершалось ли такое поминовение на практике или нет (в досинодальную эпоху — скорее да, чем нет: во всяком случае, московские издания богослужебных книг после 1654 г., как показал

... требование о том, что **избирается он [Киевский митрополит] клиром и народом.**

Авторы утверждают, что это требование, полностью соответствующее канонам, никогда Москвой не выполнялось. Это утверждение не соответствует действительности.

После кончины митрополита Гедеона (6 апреля 1690 года), на кафедру митрополита Киевского 1 июня 1690 года **на соборе в Киеве был избран** Варлаам (Ясинский), поставленный в Москве 31 августа Патриархом Адрианом. После смерти митрополита Варлаама (22 августа 1707 года) 19 октября 1707 года **на соборе в Киеве был избран** Иоасаф (Кроковский), поставленный в Москве 15 августа 1708 года сонмом архиереев во главе с местоблюстителем Патриаршего престола митрополитом Рязанским Стефаном (Яворским). Митрополит Иоасаф (Кроковский) возглавлял Киевскую митрополию до 1718 года. После его смерти Киевская кафедра вдовствовала до 1722 года.

В 1721 году был издан манифест о создании Духовной коллегии и о полном изменении в том числе правил избрания и назначения архиереев. В том же году по поручению царя архимандрит Гавриил (Бужинский) отредактировал новый чин избрания и поставления архиереев (рукопись РГИА. Ф. 796. Оп. 1. № 663)²⁷. Тогда же царь Петр I направил в Константинополь письмо с просьбой о признании и благословении изменений в церковном устройении. В 1723 году пришел ответ от Патриархов Константинопольского Иеремии III и Антиохийского Афанасия III, составленный от имени всех восточных Патриархов. Восточные патриархи **признали как учреждение Синода, так и новые синодальные порядки.** По новым правилам на все кафедры Синод должен был выдвигать двух кандидатов, с последующим утверждением одного из них императором.

свящ. М. Желтов в своей статье «Историко-канонические основания единства Русской Церкви», опубликованной в журнале «Церковь и время», 2018, № 3, с. 29–95, уже и сами по себе содержали поименные поминовения всех восточных Патриархов — и в первую очередь, конечно, Константинопольского, — как на проскомидии, так и в составе диаконского диптиха на 'Εν πρώτοις'), мы оставляем за скобками, поскольку в данном случае авторам документа необходимо показать не то, как совершалось — или не совершалось — это поминовение, а то, что своим требованием Патриарх Дионисий якобы заявил о своей юрисдикции над Киевской митрополией. Из содержания подлинных документов 1686 года мы видим, что это не так.

²⁷ Подробнее см. в кн.: Живов В. [М.] Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М., 2004.

В 1722 году Киевский митрополит был избран уже по новым правилам (правда, царю представили не две, а четыре кандидатуры). Петр I выбрал Варлаама (Вонатовича). В течение Синодального периода все архиереи назначались императорскими указами. Последним Киевским митрополитом синодальной эпохи был священномученик Владимир (Богоявленский), переведенный в Киев из Санкт-Петербурга (т. е. со столичной кафедры) императором Николаем II 23 ноября 1915 года — он был убит революционно настроенными матросами в ночь с 25 на 26 января 1918 года. Киевская кафедра стала вдовствующей.

1 июня 1918 митрополитом Киевским **епархиальное собрание Киева избрало** Антония (Храповицкого); спустя 3 дня Патриарх Тихон утвердил это избрание. При этом о каком-либо влиянии Москвы не могло быть и речи — на тот момент Киев находился под властью гетмана Скоропадского. 20 сентября Всероссийский Поместный Собор утвердил «Положение о высшем управлении православной Церковью на Украине», где говорилось об украинской церковной автономии. За Патриархом сохранялось только право утверждения на кафедре Киевского митрополита и архиереев украинских епархий.

Перипетии Гражданской войны в конце концов привели к вынужденной эмиграции митрополита Антония в 1920 году в Константинополь, а оттуда — в Сербию, где он позднее возглавил созданную эмигрантами из Российской империи Русскую Православную Церковь Заграницей.

В условиях большевистских гонений и в отсутствие митрополита Антония (Храповицкого), 23 июля 1921 года Патриарх Тихон назначил в Киев «временным заместителем отсутствующего по нынешним обстоятельствам Киевского митрополита Высокопреосвященнейшего Антония» Гродненского архиепископа Михаила (Ермакова) «с званием Патриаршего экзарха на Украине, с возведением его в сан митрополита и с предоставлением ему прав, принадлежащих митрополиту Киевскому»²⁸, при этом митрополиту Михаилу не был усвоен титул «Киевский и Галицкий», он остался Гродненским архиереем. Только в ноябре 1927 года, когда канонической Церкви удалось легализовать церковное управление на Украине, митрополит Сергей (Страгородский) указом от 23 ноября 1927 года освободил митрополита Михаила от управления Гродненской епархией и назначил его митрополитом Киевским, Галицким и всея Украины с сохранением звания экзарха Украины.

²⁸ Обращение Патриарха Московского и всея России Тихона к чадам Православной Церкви на Украине от 23(10).07.1921 // Перший Всеукраїнський православний церковний собор УАПЦ 14–30 жовтня 1921 р.: Документи і матеріали. К.; Львів, 1999. С. 504.

После кончины митрополита Михаила экзархом Украины стал Харьковский архиепископ Константин (Дьяков), и центр экзархата переместился в Харьков. 21 марта 1932 года на Киевскую кафедру назначили архиепископа Сергия (Гришина) без звания экзарха, сохраненного за архиепископом Константином. После перемещения центра экзархата в Киев митрополитом Киевским стал экзарх Украины Константин (Дьяков), арестованный властями в 1937 году. 15 июля 1941 года на Киевскую кафедру был назначен митрополит Николай (Ярушевич). В конце января 1944 года митрополит Николай (Ярушевич) решением Священного Синода был перемещен на Крутицкую кафедру, а митрополитом Киевским и Галицким, Патриаршим экзархом всея Украины был назначен архиепископ Ярославский и Ростовский Иоанн (Соколов). 30 марта 1964 года митрополитом Киевским и Галицким, Патриаршим экзархом Украины был назначен архиепископ Винницкий и Брацлавский Иоасаф (Лелюхин) с возведением в сан митрополита. Его преемником под давлением Совета по делам религий — органа советской государственной власти — 14 мая 1966 года был назначен епископ Филарет (Денисенко).

9 июля 1990 г. украинские православные епископы на совещании в Киеве составили «Обращение Украинской Православной Церкви (УПЦ) о предоставлении ей независимости и самостоятельности в управлении», что предполагало расширение автономии украинской Церкви. Предстоятелем УПЦ **украинские епископы избрали** Киевского митрополита Филарета (Денисенко). 10 июля 1990 года Священный Синод Украинской Церкви принял постановление о мерах по расширению автономии Украинского Экзархата. Согласно постановлению, Синод Украинской Православной Церкви имел право избирать и поставлять правящих и викарных архиереев, открывать новые епархии в границах Украины; Предстоятель Украинской Православной Церкви должен был избираться украинскими епископами и утверждаться Патриархом и Священным Синодом Русской Православной Церкви; Предстоятель Украинской Православной Церкви получал титул «митрополит Киевский и всея Украины» и именование «Блаженнейший» (в границах Украины). 25–27 октября 1990 года Архиерейский Собор принял определение о независимости и самостоятельности в управлении Украинской Православной Церкви. 28 октября 1990 года Патриарх Московский и всея Руси Алексий II прибыл в Киев. В соборе Святой Софии он совершил Божественную литургию, после которой вручил митрополиту Филарету Благословенную грамоту о даровании УПЦ самостоятельности в управлении.

В 1992 году на **Харьковском архиерейском Соборе** новым предстоятелем УПЦ большинством голосов (16 из 18) был избран Владимир (Сабодан), митрополит Ростовский и Новочеркасский. Его преемником в 2014 году **Собором украинских епископов был избран** митрополит Черновицкий Онуфрий.

Итак, реальная история избраний и назначений Киевских митрополитов с 1686 года и по настоящее время выглядит следующим образом:

- **Варлаам (Ясинский)** — соборно избран в Киеве;
- **Иоасаф (Кроковский)** — соборно избран в Киеве;
- СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД: *действует принципиально **новый церковный порядок, одобренный Восточными Патриархами***;
- **Антоний (Храповицкий)** — соборно избран в Киеве;
- СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: *из-за ограничений религиозных свобод Киевской митрополией управляют **Патриаршие экзархи**, последним из которых был Филарет (Денисенко)*;
- **Владимир (Сабодан)** — избран собором украинских архиереев;
- **Онуфрий (Березовский)** — избран собором украинских архиереев.

Конечно, можно предъявлять претензии к синодальному устройству Русской Церкви в XVIII — начале XX века, но тогда не надо забывать и о том, что это устройство, навязанное Русской Церкви властью императора, было благословлено и одобрено Константинопольским Патриархатом. Можно предъявлять претензии и к Советской власти, многие десятилетия преследовавшей Русскую Церковь и препятствовавшей ее нормальному устройению. Но утверждать, что Московский Патриархат «никогда» не позволял исполнить требование о свободном выборе Киевского митрополита клиром и народом Украины, нет никаких оснований.

*Передача Вселенским Патриархом Дионисием IV Патриарху Московскому права рукополагать каждого последующего Киевского Митрополита была осуществлена посредством «**Грамоты о передаче**». Термин «передача» — технический; в ту эпоху в широком значении он обозначал «дозволение», а в нашем конкретном случае — дозволение рукополагать и перемещать. Тем самым, речь не идет об «Акте» или «Томосе» выделения Вселенским Патриархатом своей канонической территории в качестве новой автокефальной*

Церкви (как было в случае с Элладской, Сербской, Румынской, Болгарской, Грузинской, Польской, Албанской, Чешской и Словацкой Церквами) или же отчуждения отдельных территорий в пользу другой автокефальной церкви (таково было, например, отчуждение в пользу Элладской Церкви епархий Ионийских островов и Фессалии, или же епархий диаспоры в 1908 г., а затем возвращение последних ко Вселенскому Патриархату в 1922).

Анализ различных документов Константинопольской Патриархии XVII–XVIII веков показывает, что термин «экдосис» (ἔκδοσις — дословно «выдача»), действительно, как правило используется в тех случаях, когда речь идет о временных тактических решениях, обусловленных конкретными обстоятельствами, а не о масштабном переустройстве. Однако можно ли только на этом основании делать вывод о временном характере передачи Киевской митрополии Московскому Патриархату? Последнее, как мы видели, противоречило бы ясным и недвусмысленным выражениям грамот 1686 года, свидетельствующим о подчинении Киевских митрополитов не только конкретно Патриарху Иоакиму, но и последующим Московским Патриархам. При этом в русских источниках не встречается какого-либо обсуждения термина ἔκδοσις в предоставленных Константинополем документах.

Со стороны Константинопольского Патриархата использование термина ἔκδοσις — если понимать его строго в том смысле, в каком это желательно авторам «Вселенский престол...», — выглядело бы не очень честной уловкой, так как в письмах патриарха Дιονисия к русским государям говорилось о полном исполнении их воли. Вероятнее, использование именно этого слова должно было намекнуть лишь на некоторое неудовольствие со стороны Константинополя (о чем говорил и Патриарх Иерусалимский Досифей); как бы то ни было, постоянный характер передачи Киевской митрополии Московскому Патриархату обозначен в документах 1686 года самым непосредственным образом.

Напоследок нужно сказать и то, что любые рассуждения о документах XVII века и содержащихся в них терминологических нюансах никак не отвечают на совершенно другой вопрос: как Константинопольский Патриархат считает для себя возможным вмешиваться в дела Киевской митрополии при живом Киевском митрополите, который не низложен и признан всей православной полнотой — в том числе, и Константинополем? Если Константинопольский Патриархат уверен в своей правоте, почему не пытается-

ся сначала низложить этого митрополита? А если не низлагает, то так ли уж он в ней уверен?

Раздел 3. «Положение дел до настоящего момента».

Этот краткий раздел, по сути, содержит лишь апелляцию к незаконному и никогда не признававшемуся Русской Православной Церковью Томосу Константинопольского Патриархата о предоставлении автокефалии Польской Православной Церкви от 13 ноября 1924 года. Здесь впервые (!) после 1686 года Константинопольский Патриарх (им на тот момент был Григорий VII) указал на несогласие Константинополя с актом 1686 года. Мы не будем разбирать ни саму историю получения этого Томоса, ни историю отказа от него в 1948 году. Это не является предметом разбираемого документа и, следовательно, нашего анализа.

Но обратим внимание на одну фразу: и сам акт 1686 года, и последующее «несоблюдение» его условий Русской Православной Церковью, согласно документу «Вселенский престол...»,

совершилось в тот период, когда Вселенский Престол подвергался тяжким испытаниям и не был способен «из-за обстоятельств эпохи возвысить свой голос против этого самоуправства».

И далее:

Вселенский Патриархат всегда знал об этой ситуации, пусть даже «из-за временных обстоятельств» и вынужден был проявлять терпимость к тому, что самовольно творил Московский Патриархат.

Следовательно, логика составителей документа такова: пока Русская Церковь была «господствующей» в Российской империи, Константинополь знал, но молчал. А вот когда в результате революции 1917 года, прихода к власти в России «безбожных большевиков» и начала самых масштабных в истории преследований православных христиан, Русская Церковь стала гонимой, вот тогда-то «обстоятельства времени» позволили Константинополю сказать «правду» и прямо заявить, что

Киевская епархия, к которой принадлежала и Польша, никогда не переставала относиться к канонической юрисдикции Константинопольской Церкви, а условия «Акта» 1686 г. никогда не соблюдались Московским Патриархатом.

Ну что ж, логика действий понятна и не случайна, ведь история о том, как Константинополь пытался вмешиваться в дела Русской Православной Церкви и даже предлагал упразднить Патриаршество на Руси, достаточно хорошо известна. И чем-то очень напоминает сегодняшнюю историю на Украине.

Нам остается лишь процитировать послание свт. Тихона, Патриарха Всероссийского, которое он направил Константинопольскому Патриарху Григорию VII в июне 1924 года в ответ на его действия по отношению к Русской Церкви:

«При письме представителя в России Вашего Святейшества, архимандрита Василия Димопуло, от 24 мая (6 июня) сего 1924 года за № 226 Мною получены четыре выписки из протоколов заседания Священного Константинопольского Синода от 19 декабря 1923 (1 января 1924) года, 4(17) апреля, 17(30) апреля и 23 апреля (6 мая) с. г., из коих видно, что Ваше Святейшество, желая оказать помощь от Матери Великой Христовой Церкви Константинопольской и “изучив точно течение русской церковности и происходящие разногласия и разделения, — для умиротворения дела и прекращения настоящей аномалии, происшедших от внешних перемен или от чрезмерного и бесполезного возвращения к взглядам и старым системам, потерявшим уже жизненную силу и смысл”, приняв во внимание исключительные обстоятельства и примеры прошлых времен, “решили послать к Нам особую миссию, уполномоченную изучать и действовать на месте на основании и в пределах определенных инструкций, согласно с духом и преданиями Церкви”.

В инструкции членам миссии одним из главных пунктов является пожелание Вашего Святейшества, чтобы я, как Всероссийский Патриарх, ради единения расколовшихся и ради паствы пожертвовал Собою, немедленно удалившись от управления Церковью, <...> и чтобы одновременно упразднилось, хотя бы временно, Патриаршество... Дается и определенная инструкция комиссии, на какие течения она в своих работах должна опираться.

Прочитав указанные протоколы, Мы немало смутились и удивились, что представитель Вселенской Патриархии, глава Константинопольской Церкви, без всякого пред-

варительного сношения с Нами, как с законным представителем и главою всей Русской Православной Церкви, вмешивается во внутреннюю жизнь и дела автокефальной Русской Церкви. <...> Всякая посылка какой-либо комиссии без сношения со Мною, как единственно законным и православным Первоиерархом Русской Православной Церкви, без Моего ведома не законна, не будет принята русским православным народом и внесет не успокоение, а еще большую смуту и раскол в жизнь и без того многострадальной Русской Православной Церкви.

Вместе со всею массою русских православных верующих, со всею своею паствою сомневаюсь и очень, что Ваше Святейшество, как заявляете, “изучили точно течения русской церковности”, сомневаюсь потому, что Вам не угодно было ни разу обратиться к Нам за документальными объяснениями того, кто же подлинный и настоящий виновник смуты и раскола».

Завершая анализ документа Константинопольской Патриархии, повторим за святителем Тихоном его приглашение из процитированного выше письма: «Всякий, кто явится к Нам, если пожелает беспристрастно, без предвзятых идей и определенных заданий, познакомиться с положением церковных дел в России <...> встретит с Нашей стороны благожелательное отношение, если он явится к Нам, как к законному главе Русской Православной Церкви».

Тогда чуть не совершили роковую ошибку, не стоит повторять ее и сегодня.